

Любимый детектив
Английской королевы

Перри – царствующая королева викторианского детектива.

People

Дайте Перри какое-нибудь заковыристое убийство
вкуче с постыдным социальным казусом – и она напишет
такой викторианский детектив, которому позавидовал бы
сам Диккенс.

The New York Times

Мало кто из создателей детективов в духе Артура Конан
Дойля может так красочно воспроизвести атмосферу
викторианского Лондона, так точно прорисовать его
детали и воссоздать настроение той эпохи, как Перри.

San Francisco Chronicle

Если вы купили очередную историю от Эш Перри, вы
можете смело рассчитывать на то, что она будет превосходна.

The San Diego Union Tribune

Серия о Шарлотте и Томасе Питт

Призрак с Кейтер-стрит

Находка на Калландер-сквер

Туман над Парагон-уок

Воскрешение на Ресуррекшн-роу

Вор с Рутленд-плейс

Утопленник из Блюгейт-филдс

Смерть в Поместье Дьявола

Натюрморт из Кардингтон-кресент

Тишина в Хановер-клоуз

Казнь на Вестминстерском мосту

Пожар на Хайгейт-райз

Скандал на Белгрейв-сквер

Невидимка с Фэрриерс-лейн

Палач из Гайд-парка

Врата изменников

Душитель из Пентекост-элли

Бомба в Эшворд-холме

Реквием в Брансвик-гарденс

Серия об инспекторе Монке

Чужое лицо

Опасная скорбь

Предательство по любви

Смерть внезапна и страшна

Энн
Терри

Реквием
в Брансвик-гарденс

Москва

2017

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
П27

Anne Perry
BRUNSWICK GARDENS
Copyright © 1998 by Anne Perry

Перри, Энн.

П27 Реквием в Брансвик-гарденс / Энн Перри ; [пер. с англ. Ю. Р. Соколова]. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 544 с. — (Любимый детектив английской королевы).

ISBN 978-5-699-98369-8

В доме пожилого уважаемого священника, упав с лестницы, погибла молодая переводчица, помогавшая хозяину в исследованиях древних религиозных текстов. Суперинтендант полиции Томас Питт, которому поручили расследование, оказывается в крайне затруднительном положении. Мало найти виновного — если, конечно, он есть, — необходимо сделать все, чтобы избежать скандала в обществе и высших церковных кругах. А хуже всего то, что один из подозреваемых — первая любовь жены самого инспектора, которая уверена в его невиновности. Так что полицейскому придется провести еще одно, уже негласное, расследование: он должен понять, почему она так заступается за этого человека. Может быть, жена до сих пор его любит?..

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-699-98369-8

© Соколов Ю. Р., перевод
на русский язык, 2013
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

*Посвящается Мэри Кулман
в знак дружбы*

Глава 1

Суперинтендант полиции Томас Питт постучал в дверь помощника комиссара полиции и немного подождал. Дело предстояло тонкое и срочное, иначе Джон Корнуоллис не стал бы вызывать его по телефону. После своего произведения в чин начальника участка на Боу-стрит Томас перестал лично заниматься делами, если только они не задевали интересы значительных персон или не становились политически опасными, как убийство в Эшворд-холле, случившееся пять месяцев назад, в октябре 1890 года. Оно погубило надежды на некоторое разрешение Ирландского вопроса — хотя скандальный развод Кэти О’Ши, коснувшийся Чарльза Стюарта Парнелла, главы ирландского большинства в парламенте, и так поставил всю ситуацию на край катастрофы.

Корнуоллис сам открыл дверь. Не столь высокий, как Питт, бывший моряк был гибок, худощав и двигался легко, несмотря на возраст. Необходимые на море физическая сила и ловкость до сих пор оставались частью его натуры — как и краткость речи, расчет на повинование и некая простота мысли, заученная человеком, давно привыкшим к не знающим пощады стихиям, однако не имеющим представления об изобретательности политиков и двуличии светских манер. Джон познавал их, но во многом полагался на Томаса. Теперь же Корнуоллис

был явно недоволен: на лице его, между длинным носом и широким ртом, пролегли выдающие сомнение морщины.

— Входите, Питт. — Он отступил в сторону, придерживая дверь. — Простите, что беспокою вас так скоро, однако в Брансвик-гарденс складывается очень неприятная ситуация. Во всяком случае, похоже на то.

Нахмурившись, помощник комиссара затворил дверь и вернулся к своему столу. Кабинет выглядел весьма приятно — в противоположность тому, каким он был во времена правления предшественника Джона. Теперь в нем были расставлены мореходные приборы, на дальней стене располагалась морская карта Английского канала, а с необходимыми книгами по юриспруденции и полицейской процедуре соседствовали поэтическая антология, один из романов Джейн Остин и Библия.

Подождав, пока Корнуоллис усядется, суперинтендант последовал его примеру. Пальто Томаса нескладно висело на нем: его карманы были полны разных вещей. Повышение в чине не сделало Питта более опрятным.

— Да, сэръ? — вопросительно посмотрел он на своего начальника.

Корнуоллис откинулся назад, и блик света блеснул на его макушке. Он полностью утратил свою шевелюру, и лысина сделалась его характерной чертой. Представить этого человека другим было попросту невозможно. Он никогда не позволял себе проявлять волнение, но когда бывал в высшей степени озабочен, складывал ладони домиком и оставлял их в таком положении. Так он поступил и на сей раз.

— Молодая женщина встретила насильственную смерть в доме в высшей степени уважаемого священника, широко известного своими учеными публикациями

и вероятного претендента на епископский сан: викария храма Святого Михаила, преподобного Рэмси Парментера. — Глубоко вздохнув, Джон посмотрел Питту в глаза. — Послали за доктором, живущим по соседству, и он, осмотрев тело, позвонил в полицию. Ее сотрудники явились на место без промедления и, в свой черед, позвонили мне.

Томас не стал перебивать шефа.

— Похоже, что там произошло убийство, и в нем может быть замешан сам Парментер.

Корнуоллис не добавил никакого комментария, выразившего его собственные чувства, но в его чуть поджатых губах и полных боли глазах явно читались опасения. Он видел в лидерстве, как духовном, так и политическом, долг, договор, который не мог быть расторгнут без ужасных последствий. До сих пор вся его взрослая жизнь проходила на море, где слово капитана обладает абсолютным весом. Тонет или плывет корабль — сие зависит от капитанского мастерства и суждения. Он должен быть прав, ибо приказам его повинуются. Не выполнить их — значит затеять наказуемый смертью мятеж. Джон сам учился повиноваться и постепенно взошел к одинокому посту на вершине карьерной башни, прекрасно понимая обязанности и права, которыми наделяет его носителя высший сан.

— Понятно, — неторопливо проговорил Питт. — И кем же она была... эта молодая женщина?

— Мисс Юнити Беллвуд, — ответил Корнуоллис. — Специалист по древним языкам. Она помогала преподобному Парментеру в работе над его новой книгой.

— А что заставляет доктора и местную полицию подозревать убийство? — поинтересовался Томас.

Его начальник скривился, чуть растянув узкие губы:

— Свидетели утверждают, что мисс Беллвуд громко крикнула: «Нет-нет, преподобный отец!» — перед самым падением, и спустя мгновение миссис Вита Парментер, выбежав из гостиной, обнаружила свою гостью лежащей у подножия лестницы. Оказавшись возле упавшей, она увидела, что та уже мертва. Очевидно, сломала шею при падении.

— А кто слышал этот крик?

— Несколько человек, — безрадостным тоном ответил Корнуоллис. — Боюсь, что оснований для сомнения нет. Жаль, что меня не могло быть при этом... Чрезвычайно неприятная ситуация! Казалось бы, домашняя трагедия, однако благодаря общественному положению Парментера она способна превратиться в солидный скандал, если не разобраться в этом деле с достаточной быстротой — и тактом.

— Благодарю вас, — сухо промолвил суперинтендант. — И местная полиция никоим образом не желает заниматься этим делом?

Вопрос этот был чисто риторическим, заданным без всякой надежды. Конечно же, местное отделение не желало этого. И по всей вероятности, его сотрудникам не позволили бы этого, даже прояви они такое желание. В деле могли вскрыться весьма неловкие обстоятельства для всех имеющих отношение к делу сторон.

Помощник комиссара не стал затруднять себя ответом.

— Дом семнадцать, Брансвик-гарденс, — лаконично проговорил он. — Простите меня, Питт.

Он как будто бы хотел добавить что-то еще, но передумал, не зная, каким образом облечь в слова свою мысль.

Томас поднялся на ноги:

— А кто из местной полиции занимался этим делом?

— Корбетт.

— Итак, я отправляюсь туда, чтобы избавить инспектора Корбетта от хлопот, — без какого-либо удовольствия проговорил Питт. — Приятного утра, сэр.

Корнуоллис проводил его до двери улыбкой и вновь углубился в свои бумаги.

Суперинтендант позвонил в свой участок на Боу-стрит и приказал, чтобы инспектор Телман встретил его в Брансвик-гарденс и ни в коем случае не отправлялся на место событий раньше него, после чего вышел на улицу и остановил экипаж.

Было почти полдвенадцатого, когда Томас высадился из экипажа под холодные и ясные солнечные лучи на противоположной стороне площади возле еще голых деревьев у церкви. Идти до дома номер семнадцать было недалеко, но даже с расстояния в двадцать ярдов можно было понять, что там воцарилось необычное для этого времени суток настроение. Шторы были опущены, и здание окружало какое-то особенное безмолвие, явно указывавшее на то, что служанки в этот час не проветривали комнаты, не открывали окон и не сновали возле полуподвального окошка, принимая поставщиков с их товаром.

Телман ожидал начальника на тротуаре напротив дома. На его лице с впалыми щеками почивало суровое и полное подозрительности выражение, а серые глаза инспектора были прищурены.

— Что, собственно, здесь произошло? — спросил он мрачным тоном. — Неужели украли все фамильное серебро?

Питт вкратце изложил своему помощнику суть дела, не забыв напомнить ему о необходимости обращаться с хозяевами предельно тактично.

Телман придерживался скептических воззрений на благосостояние, привилегии и общественный авторитет,

приобретенный благодаря рождению, и следовал своему мнению, если не было доказательств противоположного. Он промолчал — с красноречивым выражением на лице.

Томас потянул за шнурок колокольчика у входной двери, которую немедленно отворил крайне несчастный, если судить по внешности, полицейский констебль. Заметив, что волосы Питта слишком длинные, карманы пальто вздуты, а галстук съехал набок, он набрал было в грудь воздуха, чтобы выставить прищельца на улицу. Телмана, стоявшего чуть позади, полицейский словно бы и не заметил.

— Суперинтендант Питт, — представился Томас. — И инспектор Телман. Мистер Корнуоллис попросил нас приехать сюда. Инспектор Корбетт еще здесь?

На лице констебля проступило облегчение:

— Да, мистер Питт. Входите, сэр. Мистер Корбетт как раз в холле. Сюда.

Томас подождал, пока Телман присоединится к нему, после чего закрыл дверь. Вместе с помощником он прошел через внешний вестибюль в пышный холл. Пол его представлял собой мозаику из черных линий и завитков на белом фоне, на взгляд Питта явно отдававшую Италией. Лестница, крутая и черная, шла вдоль стены с трех сторон и была сделана из крашеного под эбен дерева. Одна из стен была выложена плиткой цвета густой морской синевы. Прямо под верхней площадкой лестницы располагалась большая пальма в черной кадке. Две круглые белые колонны поддерживали галерею, а главным предметом мебели являлась роскошная турецкая ширма. Обстановка имела вид весьма современный и в иных обстоятельствах показалась бы впечатляющей.

Однако теперь взгляд привлекала группа фигур у подножия лестницы. Там стоял молодой и печальный док-

тор, складывавший в саквояж свои инструменты, и еще один молодой человек, застывший в неловкой и напряженной позе, как если бы он собирался что-то сделать, но не знал, что именно. Третий мужчина принадлежал к более старшему поколению: волосы его поредели, а на лице застыло серьезное и полное тревоги выражение. Наконец, четвертая — и последняя — фигура была ниже пояса укрыта одеялом, и Питт мог видеть только изгиб плеч и бедер лежавшей на полу женщины.

Старший из мужчин повернулся, услышав шаги Томаса.

— Это мистер Питт, — бодрым тоном обратился констебль к этому мужчине, как если бы доставил ему хорошие вести. — И инспектор Телман. Их прислал помощник комиссара, сэр.

Инспектор Корбетт явным образом разделял владевшее констеблем чувство облегчения и не стал скрывать этого.

— О! Доброе утро, сэр, — отозвался он. — Доктор Грин только что закончил обследование. К сожалению, бедной леди уже ничем не поможешь. А это мистер Мэлори Парментер, сын преподобного Парментера.

— Здравствуйте, мистер Парментер, — обратился к сыну хозяина суперинтендант и кивнул доктору.

Оглядев холл, он перевел взгляд на лестницу. Крутые ступени ее не были покрыты ковровой дорожкой. Человек, скатившийся вниз с такой лестницы, без сомнения, получит серьезные повреждения. Питта ничуть не удивило и то, что в данном случае падение оказалось фатальным. Подойдя к лежавшей, он наклонился и отогнул одеяло, чтобы посмотреть на нее. Молодая женщина лежала на боку, и лицо ее было обращено в противоположную от Томаса сторону. Он отметил ее несомненную красоту,

своенравный и чувственный характер, волевые ровные брови, полные губы... Особа, бесспорно, интеллектуальная, однако мягкости на ее лице не читалось.

— Скончалась в результате падения, — вполголоса проговорил Корбетт. — Около полутора часов назад. — Он извлек часы из жилетного кармана. — Часы в холле пробили десять как раз после ее падения. Полагаю, что вы сами допросите всех присутствующих в доме, однако, если хотите, я могу рассказать вам все, что нам уже известно.

— Да, — согласился Питт, все еще разглядывая труп. — Да, будьте так добры.

Он посмотрел на ноги покойной. На них были домашние шлепанцы, а не туфли, и оба они заметно съехали со ступней во время падения. Суперинтендант старательно осмотрел весь подол юбки, проверяя, не разошлась ли где-нибудь строчка, из-за чего женщина могла зацепиться за нее пяткой и споткнуться. Однако юбка находилась в идеальном состоянии. А на пятке одного из шлепанцев обнаружилось непонятное темное пятно.

— Что это? — спросил Томас.

Корбетт посмотрел на пятно.

— Не знаю, сэр. — Нагнувшись, он осторожно потрогал пятно пальцем и поднес его к носу. — Что-то химическое. Уже высохло, однако до сих пор еще пахнет; значит, она испачкалась недавно. — Распрямившись, он обратился к Мэлори Парментеру: — А мисс Беллвуд сегодня никуда не выходила с утра, вы не обращали на это внимания, сэр?

— Не знаю, — торопливо ответил Мэлори. Он казался очень бледным и сжал ладони, чтобы руки его не тряслись. — Я занимался... в зимнем саду. — Он виновато пожал плечами, как если бы этот поступок нуждался в

каком-то оправдании. — Подчас это самое спокойное место в доме. В утренней гостиной еще не разводят огонь, служанка только хлопочет, так что там теплее всего. Полагаю, что Юнити могла выйти из дома, но зачем — не представляю. Отец должен знать.

— А где сейчас находится преподобный Пармен-тер? — спросил Питт.

Мэлори посмотрел на него. Это был вполне обаятельный молодой человек с гладкими и темными волосами и правильными чертами лица, которое легко могло принимать приятное или угрюмое выражение.

— Отец находится сейчас в своем кабинете, — ответил он. — Естественно, он глубоко расстроен случившимся и предпочел какое-то время провести в одиночестве. Если вам нужна какая-то помощь, я сделаю все возможное...

— Благодарю вас, сэра, — проговорил Корбетт, — однако, на мой взгляд, нам больше незачем вас задерживать. Не сомневаюсь в том, что вы предпочтете сейчас находиться со своими родными.

Вежливая формулировка.

Младший Парментер помедлил, глядя на Томаса. Он явно не хотел уходить, словно в его отсутствие могло произойти нечто такое, что он сумел бы предотвратить. Посмотрев на неподвижную фигуру на полу, молодой человек беспомощно проговорил:

— А нельзя ли снова прикрыть ее... сделать что-нибудь?

— После того как суперинтендант увидит все, что сочтет нужным, мы увезем тело в морг, сэра, — ответил ему Корбетт. — Предоставьте нам право сделать это.

— Да... да, наверное, вы правы, — сдался Мэлори. Развернувшись, он прошел по роскошному полу и исчез за украшенной резьбой дверью.

Корбетт повернулся к Томасу:

— Простите, мистер Питт. Дело выглядит не слишком красиво. Вы, конечно, захотите лично переговорить со свидетелями. Это миссис Парментер, камердинер и горничная.

— Да. — Суперинтендант бросил последний взгляд на Юнити Белвуд, фиксируя в памяти ее позу, лицо, густые волосы цвета светлого меда и крепкие ладони, ныне бесильные, но с длинными ухоженными пальцами. Интересная женщина. Однако, скорее всего, ему не потребуются много узнавать о ней, как это бывало в большинстве дел. Предстоящее расследование казалось сейчас прискорбно ясным, безысходно трагичным и, быть может, трудным для представления в суде. Томас повернулся к Телману, стоявшему в паре ярдов за его спиной:

— Лучше сходите-ка и поговорите с остальными слугами. Проверьте, где все они находились, что видели и что слышали. Еще попробуйте узнать, какая субстанция оставила пятно на ее домашней туфле. И ведите себя сдержанно. Пока совершенно ничего не ясно.

— Да, сэр, — с недовольным выражением на лице отреагировал Телман и направился прочь, чуть покачивая упрямыми плечами на каждом шагу, словно бы готовясь к драке. Это был трудный человек, но внимательный, терпеливый и никогда не пугавшийся любого вывода, каким бы неприятным ему лично он ни казался.

Питт снова повернулся к местному инспектору:

— Я хочу поговорить с миссис Парментер.

— Она в гостиной, сэр. Это туда. — Корбетт указал на другую сторону холла, где под белыми столбами находилась другая резная дверь.

— Благодарю вас.

Томас направился к ней, нарушая своими шагами по крошечным мраморным пластинкам воцарившуюся

дома тишину. Он постучал в дверь, которую немедленно открыла служанка.

За дверью оказалась прекрасная комната, опять же украшенная в самом современном стиле произведениями китайского и японского искусства. Дальний угол занимала шелковая ширма, расшитая павлиньими хвостами, — и даже на обоях был рисунок какого-то подобия стволов бамбука. Однако в этот самый момент все внимание Питта было обращено к женщине, возлежавшей в покрытом черным лаком шезлонге. Рост ее было сложно определить, и можно было сказать только то, что она была изящной. Не блондинка и не брюнетка, она обладала и симпатичным, и одновременно очень необычным лицом. Огромные, широко посаженные глаза, высокие скулы, неожиданно сильный нос... Похоже было, что в нормальной обстановке эта дама не скупилась бы на улыбку и смеялась бы при первой возможности. Но теперь она казалась весьма серьезной и, скорее всего, даже с трудом сохраняла спокойствие.

— Прошу прощения за беспокойство, миссис Парментер, — извинился полицейский, закрывая за собой дверь. — Я — суперинтендант Питт с Боу-стрит. Помощник комиссара Корнуолис попросил меня провести расследование обстоятельств смерти мисс Беллвуд.

Он не стал предлагать никаких объяснений. Вполне понятное допущение подразумевало, что обитатели этого дома приготовились что-то скрывать или неправильно оценивать глубину и последствия трагедии.

— Ну конечно, — проговорила хозяйка дома с тенью улыбки на губах. — Я понимаю вас, суперинтендант.

Она чуть повернула к нему лицо, однако не изменила спокойной позы. В углу притаилась служанка, быть мо-